

## «Я не верю, что Бог задумал человека хищным пресмыкающимся!»

Отношение к группе «Маврин» у людей довольно разное: одни считают, что мелодичный и пафосный heavy подходит только подросткам, другие знают, что «Маврин» чем-то отличается от таких команд, как «Кипелов» и «Ария», но не знают чем именно. Третьи же — это поклонники группы, которые знают, в чём отличие и — о ужас! — это не только подростки.



Послушать новую программу «Неотвратимое» в клубе «Центр» 9 октября пришли как юные девочки, снимающие всё на телефон, так и бывалые любители heavy.

После концерта к Маврину подошел мужчина, протянул виниловую пластинку «Ария — Герой асфальта» и сказал: «Купил её в 88-м, подпишите, пожалуйста».



Сергей Маврин меня впечатлил, о таких говорят — «чем глубже река, тем тише она течёт». Он спокоен в общении, молча подписывает пластинку. Когда говорит о своих убеждениях, смотрит перед собой. В нём есть какая-то неуловимая христианская скромность. Он негромко и размеренно произносит слова.

— Что вы можете рассказать о готовящемся альбоме?

— Несколько песен для альбома «Неотвратимое» написано. Он будет совершенно иным. Пока не знаю, каким точно, но альбом «Противостояние» — это точка в наших десятилетних размышлениях. Никакой больше мрачной философии. Единственное исключение — песня «Неотвратимое». Текст написан в XIX веке Шарлем Бодлером. Это прекрасный взгляд в преисподнюю. Новый альбом будет тяжелый, жесткий, боевой, мелодичный, а по тематике созидательный.



— Вы вегетарианец?

— Около четырёх лет я не ем мясо. Во мне происходило долгое естественное развитие: я был заядлым рыбаком, но в начале 90-х резко бросил. Тогда не мог понять, что со мной происходит, почему я больше не могу вынимать крючок, протягивая его через все внутренности рыбы. А в одном из гастролей мы остановились пообедать. Нам сказали: «Тут очень вкусно кормят — это наш мясокомбинат!» Все пошли есть, а я не смог выйти из автобуса — эта энергетика смерти меня просто придавила. Не могу объяснить, почему так поступил — я не с рождения вегетарианец, я ел мясо, но выйти не смог. Последней точкой в мясоедении стал документальный фильм «Земляне» (Earthlings, 2005) снятый

зоозащитником Шоном Монсоном. Эта работа сделала вегетарианцами тысячи людей. Монсон просто показал, как далеко мы зашли. У меня был один вопрос к режиссёру: «Как он никого не убил из людей во время съёмок». Это очень спокойный фильм, совершенно не агрессивный. Нужно иметь крепкие нервы, снимая такое.



Пифагор сказал: «До тех пор, пока люди будут резать животных, они будут убивать друг друга».

В связи со свалившейся на нас Украинской войной я задумался — почему происходят войны? Их было бесчисленное количество. Вся история человечества состоит из войн.

Даже если эта война прекратится, через несколько лет начнётся еще какая-то. На земле и часу не проходит без убийства. Выходит, это обычное состояние человека — мы хищники и нам свойственно убивать. У кого-то это в глубине души, у кого-то на поверхности. Например, охотники: человек из комфортной городской квартиры выезжает в лес и начинает убивать. На мой взгляд, это совершенно не нормально. Но это обычно — стрелять в животных. А если мы хищники и убийство нам свойственно, то и свойственно убийство себе подобных. Есть такая серия книг «Звенящие кедры России» Владимира Мегре — это книги прописных истин, забытых тысячу лет назад. По моему глубокому убеждению человек не был рождён хищником, значит что-то случилось на его пути. Был фатальный поворот в сторону убийства, и он привёл к тому, что происходит сегодня. У многих складывается впечатление, что человечество доживает последние годы. При таком отношении к друг другу, к себе, мы долго не протянем.

Человек не был мясоедом — он был собирателем. Ему не нужно было никого убивать, чтобы засунуть в себя чью-то плоть. Но сейчас многие не мыслят себя без этого. Да и я сам всего четыре года вегетарианец. Я долго к этому шел, поэтому никого не осуждаю — мол, «ты ешь мясо» — я прекрасно понимаю, что это путь эволюции. И каждый в своё время должен прийти к отказу от мяса сам, точно так же, как когда человечество встало на неверный путь — мы должны вернуться к истокам и перестать убивать.



— Человечество может измениться?

— Я считаю, что это личный путь каждого. В том же альбоме «Противостояние» есть песня «Каждый сам». Изменение — это дело каждого. Каждый может увидеть, что реальность не такая, как её преподносят. Мы неправильно живем тысячи лет. И теперь удивляемся, почему люди убивают друг друга и почему кругом враги. Мы не живем, а выживаем. Я никогда не поверю, что это задумано Богом, что он создал себе подобного с такими низкими качествами. Создал хищное пресмыкающееся.

Я точно знаю, что никогда больше не буду есть плоть животного, даже под страхом смерти. Осознаешь некоторые вещи и начинаешь видеть горизонты по иному. Создается такая двойственная ситуация: с одной стороны фатальная неизбежность перед глазами, а с другой стороны ты понимаешь — в этом нет ничего страшного. Не стоит бояться всемирного потопы, его нужно бояться тем, кто убивает. Жизнь не заканчивается даже с потопом. Наверно,

у меня странные мысли, но закономерные. Иначе как объяснить то безумие: мы победили фашизм и снова живём при фашизме.



— Расскажите о вашей кампании в защиту собак?

— Никто не обращает внимания, что у нас в городах не осталось бродячих собак. В Москве ты можешь встретить одну-две собаки, но я прекрасно понимаю, что это смертники — их не будет через несколько дней.

ЖКХ, Служба отлова безнадзорных животных и догхантеры (Doghanter) хорошо постарались. Догхантеры — это добровольцы, которым просто нравится убивать собак. Для ЖКХ это такое облегчение — чужими руками они отчищают города. Тех, кого не добились, поместили в приюты — в основном, в ужасные условия. Зато в городах чисто.

Действительно, проблема бездомных собачьих стай очень огромная. Но бороться с этим необходимо через стерилизацию. Это практика многих цивилизованных стран — и там нет бездомных собак. У нас же эту проблему решили убийством. Причём есть мрачная аналогия: в преддверии «ЕВРО2012» на Украине уничтожили около 260 тысяч бездомных животных. То есть 260 тысяч живых существ убито ради футбола. Для скорейшего очищения использовали адовые методы: по стране разъезжали передвижные крематории. Собак отстреливали и кидали в эти печи. Зоозащитники били тревогу по всей Украине, но никто не прислушался. Позже были найдены массовые захоронения [собак под Донецком](#).



Многие тогда говорили, что просто так это не пройдёт. Прошло не так много времени, и на Украине уже люди жгут и убивают друг друга. И, видя массовые человеческие [захоронения под Донецком](#), я вспоминаю этих собак. Всё это рядом, нельзя переступить какие-то грани. В РФ продолжают убивать собак. Я писал министру природы по этому вопросу. Он посочувствовал и сказал «Ну, что мы можем сделать». Хотя они на самом деле могли бы! Но проще убивать.

К сожалению, об этой проблеме задумывается не так много людей. Митинг в защиту собак в Москве собирает триста человек, в других городах тридцать. Остальным всё равно.

Но просто так это не проходит. Например, убийства на подмосковных трассах: кто-то просто убивает ради забавы, ничего не берут. Раскидываются шипы на дороге. Машина останавливается, появляются люди и всех убивают. Почему это происходит в стране, где восемь лет идет истребление собак? Любой психолог вам скажет, что все серийные маньяки начинали с животных. Всё это звенья одной цепи.



— Как вы относитесь к проукраинской позиции Макаревича?

— На мой взгляд, если ты публичная личность, не стоит делать таких открытых категоричных заявлений в ту или иную сторону. Потому как ничего хорошего это не принесёт, кроме противостояния. За публичной личностью всегда стоит огромная аудитория, которая моментально раскалывается на две части. В обществе и так сильнейшее противостояние, что складывается впечатление, будто нас специально разделяют и стравливают. Вместо того, чтобы разбираться, почему так происходит, нас спрашивают: «Вы за кого? За белых или за красных?». Лично я ни за тех и ни за других! Мне эта ситуация противна со всех сторон. Мне кажется, нужно искать причину этой бесконечной череды конфликтов, вместо того, чтобы дробить общество категоричными заявлениями.



— Если бы ваша музыка была бы похожа на стрелу, то в какую бы цель она летела?

— Эта стрела летела бы в прошлое, в тот самый момент, где человечество сделало поворот не в ту сторону.